

— Кажется, в больницы нам лучше больше не соваться, — Луань Чэн рухнул на диван в квартире Гу Цинхуая. На душе всё еще было беспокойно. Стоило вспомнить те огромные крюки в руках жнецов, как по затылку пробежал ледяной сквозняк.

— Не только в больницы. Думаю, по ночам теперь тоже стоит гулять пореже, — Бай Ю притащил свою маленькую скамеечку и уселся рядом. — Сколько лет не видел жнецов... Клянусь, я чуть из Цинхуая не выскочил от страха.

— Так вот почему вы носа не совали! Испугались посланников смерти, — Луань Чэн усмехнулся.

Обычно, если не было прямого солнечного света, Бай Ю и Мин Юэ вовсю активничали. Видимо, призракам тоже живется несладко.

— Хватит о грустном. Что будем на обед? — спросил Гу Цинхуай, вымыв руки.

Тут же раздался хор голосов: — Только не доставку!

Гу Цинхуай, не обращая внимания на призраков, посмотрел на Луань Чэна: — Я их не спрашивал. Что ты хочешь съесть?

Бай Ю: — ...

Мин Юэ: — ...

Хань Чэндун: — ... (Даже если он не ел, такая дискриминация всё равно задевала за живое).

Пока Луань Чэн подбирал слова, Бай Ю подлетел к нему и зашептал на ухо: — Луань Чэн, проси говядину с ароматными грибами! Цинхуай её готовит — просто пальчики оближешь!

Мин Юэ застенчиво добавил: — Вообще-то, м-м, свинина в кисло-сладком соусе у него тоже отлично выходит.

У Луань Чэна потекли слюнки.

— А продукты есть?

Он помнил свои слова о том, что с таким талантом надо готовить дома трижды в день, но это была скорее фигура речи — когда им ходить по магазинам? После вечерних занятий супермаркеты уже закрыты.

— Есть. Я утром сходил на ранний рынок, — ответил Гу Цинхуай.

Луань Чэн просиял: — Тогда готовь свои коронные блюда. Я не привередлив, съем всё.

С этими словами он завалился на диван и достал телефон, чтобы поиграть в «Cut the Rope».

Увидев это, Гу Цинхуай просто забрал у него мобильник: — Я готовлю — ты решаешь задачи.

Луань Чэн: — ...

Он так и замер с поднятыми руками, словно всё еще держал телефон. Взглянул на Гу, проверяя — не классный ли это руководитель или, чего доброго, его собственная мать? Но взгляд Гу был тверже, чем у обоих вместе взятых.

Луань вздохнул, признавая поражение, и сел прямо: — Ладно-ладно. Раз уж мне достался парень-отличник, буду решать задачи.

Гу Цинхуай приставил обеденный стол поближе к кухне, чтобы видеть, чем занят Луань Чэн. Тот не стал спорить и принялся за вариант по литературе.

Гу Цинхуай повязал фартук и достал из холодильника говядину, грибы, бамию и морковь. Луань Чэн вписал пару ответов в пропуски, поднял голову — Гу разделяет бамию. Еще пара ответов — бамия уже мокнет в воде, а Гу взялся за грибы. После грибов настала очередь риса.

— У меня на лице ответы написаны? — Гу Цинхуай обернулся и шутливо щелкнул пальцами в сторону Луань Чэна, обдав его брызгами воды. — Сосредоточься.

— Когда перед глазами такая красота... — Луань Чэн вытер лицо. — Трудно сосредоточиться.

Он бросил ручку и нагло улегся на стол, в открытую наблюдая за тем, как Гу нарезает говядину.

— Твоя мама, наверное, тоже мастерски готовит? — спросил Луань. Откуда-то же Гу должен был этому научиться?

— Она не умеет готовить, — рука Гу с ножом на секунду замерла. — А если бы и умела, я бы всё равно не попробовал её еды.

— ... — Луань Чэн почувствовал, что задел болезненную тему.

Он вопросительно взглянул на Мин Юэ, но тот лишь нахмурилась и едва заметно покачал головой, беззвучно артикулируя: «Не спрашивай».

Это странно. Неужели родители Гу Цинхуая в разводе?

Если подумать, Гу Цинхуай почти никогда не упоминал о семье. Все, что Луань Чэн знал на данный момент, — это то, что у него есть старший брат. Он помнил, как однажды рано утром на спортплощадке Гу отвечал на звонок брата.

А что потом? Кажется, больше никто из родных ему не звонил.

Его семья живет в этом же городе. Отцу самого Луань Чэна ничего не стоит позвонить сыну просто так, узнать как дела. Мать не знает, что он снимает жилье, иначе наверняка нашла бы способ переехать к нему. Но Гу Цинхуай... он перевелся из другого города, живет один... Ладно, пусть с ним Бай Ю и остальные, но разве родные не должны проявлять хоть каплю заботы?

Что такое семья? Разве это не взаимная поддержка, помощь и тепло?

Луань Чэн почувствовал себя ужасно недогадливым: он ведь никогда толком не интересовался прошлым своего соседа.

— Тебе говядину лучше с жилками или постную? — прервал его мысли Гу Цинхуай.

— Любую, зубы крепкие, — Луань Чэн поднялся. — Схожу наверх, переоденусь в домашнее. Тебе купить попить чего-нибудь? — Он незаметно подмигнул Мин Юэ.

— В холодильнике есть сок, но если хочешь что-то другое — бери, — отозвался Гу. — Кстати, у

Сяо Людоу (Маленькой Фасолинки) закончился корм. Если пойдешь гулять, заскочи в рыболовный магазин за супермаркетом «Шуньхуа», там должен быть.

— Ок, всё куплю. — Луань Чэн выудил Сяо Людоу из «чаши предсказаний» и прихватил с собой.

С тех пор как он честно признался бабушке, что именно они с Гу та самая «парочка», из-за которой светится чаша, бабушка велела оставить артефакт у себя. Так что чаша теперь стояла у Гу Цинхуая.

Бабушка заявила: «Гу Цинхуай надежнее тебя» (= _ =).

Выходя, он хотел было взять зонт Гу, но это выглядело бы слишком подозрительно, поэтому он просто ушел вместе с черепашкой. Мин Юэ, паривший у двери второй спальни, тут же прошел сквозь стену вслед за ним.

Луань Чэн немного подождал на лестнице, и вскоре Мин Юэ материализовался рядом. Они поднялись на четвертый этаж, и только когда дверь 401-й квартиры плотно закрылась, призрак заговорил:

— Луань Чэн, Цинхуай не любит говорить о родителях. У них... плохие отношения.

— Почему? — Луань Чэн искренне не понимал.

Стать родителями такого парня, как Гу Цинхуай, — это же всё равно что спасти планету в прошлой жизни, разве нет? Высокий, красавец, пишет как бог, а уж про оценки и говорить нечего — уровень всей страны! Да, у него есть «особенности», но он же никому не мешает...

— Семья Цинхуая — это не твоя семья, — вздохнул Мин Юэ. — Его род... скажем так, был очень знатным в своих краях. Но к поколению его деда всё начало приходить в упадок. Отец Цинхуая и вовсе стал известным прожигателем жизни. Еще до рождения сына он завел женщину на стороне. Мать Цинхуая решила, что ребенок появился «не вовремя». К тому же её инвестиционный проект тогда прогорел, и она возненавидела сына, считая его «звездой неудач».

— Его мать... как бы сказать... очень красивая, но крайне эгоистичная. Она привыкла, что её боготворят, и не терпит игнорирования. В детстве она еще держала его при себе, но её бесило, что он постоянно болеет. Настоящие проблемы начались года в два-три, когда дети начинают говорить. Цинхуай был маленьким и бесхитростным: видел — и говорил. Он постоянно общался с «людьми», которых родители не видели. Мать тогда решила, что он жуткий, и перестала к нему подходить. А отец, изредка бывая дома, и вовсе считал сына сумасшедшим. В итоге они просто наняли няню и сослали ребенка в отдельный дом.

— ...То есть его вырастила няня? — осторожно спросил Луань Чэн.

— Если бы. Он тогда не понимал, за что его прогнали, и продолжал вести себя как обычно. Няни пугались и увольнялись одна за другой. Так продолжалось, пока дед Гу не нашел господина Чунмина, который призвал нас. Цинхуай рос на наших глазах. Больше всего он общался с господином Чунмином и нами. Родители для него — просто слова. За все эти годы они почти не интересовались им. Редкие звонки сводятся к одному вопросу: когда он «разберется» с семьей Кан. Семья Кан в Бэйчэне — давние враги рода Гу. Чжан Лицзяо... мать Цинхуая... знает о его силах и постоянно требует, чтобы он «устранил» конкурентов. Она даже не задумывается, какими последствиями для него обернется использование магии ради

причинения вреда людям.

— То есть они просто шлют деньги и больше ничего? — Если так, то это за гранью...

— На жизнь Цинхуай зарабатывает сам. Он отлично пишет талисманы — начал делать это ради денег еще ребенком. Господин Чунмин платил ему за каждый написанный фу.

— ...А дедушка?

— Старик в свое время выплатил огромные долги отца Цинхуая, так что после его смерти внуку почти ничего не осталось. У деда было золотое сердце, он единственный не бросил Цинхуая. Но родители... они из тех, кто сначала думает о себе, а потом — ни о ком.

— Понятно. Теперь ясно, почему он как щенок, — пробормотал Луань Чэн.

— Хм? — Мин Юэ замер. — Как щенок?

— Ну, Гу Цинхуай. Сначала на всех рычит, будто ему денег должны. Но стоит проявить к нему хоть немного искренней доброты, как он потихоньку начинает вилять хвостом... в смысле, идти на контакт. Видимо, это из-за того, в какой обстановке он рос. Мне всегда казалось, что он только с виду холодный, а на самом деле... кхм, сердце у него мягкое.

— В этом он действительно пошел в деда. Помнишь, когда ты только нашел «чашу предсказаний», он с тобой и слова не хотел вымолвить? Не потому что не хотел, а потому что боялся. Он считал, что ему недолго осталось, и не хотел ни с кем сближаться. Зачем привязывать к себе человека, чтобы потом оставить его горевать? Но ведь за все эти годы у него не было друзей-сверстников. Неужели он об этом не мечтал? — Мин Юэ улыбнулся. — Хорошо, что он встретил тебя.

— Судьба.

— Да. Теперь остается надеяться, что Золотая цикада найдется быстро. Тогда душа Цинхуая восстановится, и Чэндуну станет лучше.

— Это точно, — ответил Луань Чэн и замолчал, не смея продолжать.

Бабушка по телефону сказала, что чаша, скорее всего, разбита и утратила силу. Он не решился сказать об этом Гу Цинхуаю — новость слишком паршивая. Если это правда, шансы Гу на жизнь тают на глазах. Значит, ему кровь из носу нужно научиться развивать и направлять свою энергию. А вдруг он сам сможет починить разбитый артефакт?

— Луань Чэн, ты разве не идешь за кормом для Сяо Людоу? — Мин Юэ заметил, что парень слишком надолго ушел в себя.

— А, точно. Иду. — Луань Чэн взял кошелек и спустился.

Мин Юэ вернулся в 301-ю, Луань Чэн не стал брать его с собой. Выйдя из подъезда, он тут же набрал бабушку. Со времени их последнего разговора прошло два дня — тогда она сказала, что еще не видела чашу. Сейчас шел четвертый день, новости обязаны быть.

— Сестра Ци, не ответишь? — Лян Мяомяо видела, как старушка застыла, глядя на экран телефона.

— Что я ему скажу? — вздохнула бабушка.

Телефон замолк, и на её лице отразилась небывалая тяжесть.

— Но ведь рано или поздно придется.

Лян Мяомяо и сама не ожидала: проделав такой путь, задействовав все связи... они нашли чашу, но та оказалась лишь грудой черепков. Артефакт давно лишился духовной энергии. Мало того, что золотая цикада исчезла, так еще и сам нефрит покрылся трещинами и потемнел. Теперь эта вещь выглядела так, что даже нищий побрезговал бы собирать в нее милостыню.

Телефон зазвонил снова. Бабушка не устояла перед упрямством внука и нажала «ответить», стараясь придать голосу будничные тон:

— Сяо Чэн?

— Это я, бабуль! Снова в туалет без телефона ходили? — спросил Луань Чэн. — Удобно говорить?

— Удобно. Сама как раз собиралась тебе набрать. Ты где?

— Возле школы, вышел купить попить. Как у вас дела? Нашли чашу?

— Нашли... но всё не очень хорошо. Расскажу подробности, когда вернусь. И чур Сяо Гу пока ничего не говорить, ясно? — отрезала старушка. — Остальное при встрече.

— А когда вы вернетесь?

— Через пару дней. У меня тут еще одно незаконченное дело. Не переживай, учись хорошенько, бабушка сама со всем разберется.

— Хорошо, бабушка, вы там только поосторожнее, берегите себя, — ответил Луань Чэн.

Повесив трубку, он постоял немного в раздумье, а потом отправился за кормом.

Рынок, о котором говорил Гу Цинхуай, находился не так уж далеко от преподавательского дома. Луань Чэн быстро отыскал нужный рыболовный магазин, купил привычный корм для Сяо Людоу, а в придачу взял несколько вьюнов.

Затем заглянул в супермаркет за мороженым — решил забить им морозилку у Гу Цинхуая. На выходе он снова наткнулся на лоток с пятицветными шнурками и набрал еще целую охапку: с резными персиковыми корзинками, крошечными мечами и прочими висюльками. Ему не терпится выяснить, сможет ли он всё-таки запечатать в них свою силу.

Зайдя во двор учительского дома и убедившись, что свидетелей нет, Луань Чэн попытался сосредоточиться, как тогда в больнице. Он закрыл глаза, представляя, как направляет поток энергии в персиковую подвеску... но результат оказался прежним: вещь с сухим треском рассыпалась в пыль.

— Да что ж такое... — пробормотал он, глядя на ладонь. Луань брезгливо стряхнул серый порошок на землю, отряхнул руки и, не оглядываясь, нырнул в подъезд.

Спустя минуту к тому месту подошел человек. Он осторожно присел и пальцами собрал щепотку пыли, оставшейся от артефакта. Внимательно растерев её, незнакомец достал из-за

пазухи обгоревший по краям золотой бумажный слиток-пожертвование.

Он набрал номер: — Господин, человек, которого вы искали, найден.

<http://bllate.org/book/16943/1577874>